

Разговор

Су Лин то поджимал губы, то снова расслаблял их, и его хорошенькое личико то и дело искажалось от внутренних метаний, пока наконец он не заговорил. Потупив взор и не сводя глаз с каменных ступеней, он начал медленно, слово за словом, изливать душу:

— Матушка умерла, когда рожала меня. Отец вечно пропадал в аптеке, поэтому приставил ко мне слугу. Тот человек с самого детства изводил меня: перед Ши Синсянем он изображал из себя воплощение покорности и почтения, но стоило им остаться наедине, как он доводил меня до слёз.

Юноша горько усмехнулся.

— Но когда я жаловался, отец лишь отмахивался. Говорил, что это всё мой несносный характер. А потом добавлял, что раз уж он сам вырастил такого гээра, то будет баловать меня и дальше, какой бы скверный нрав у меня ни был.

Су И, чьи пальцы всё ещё бережно покоились на гладкой коже колена юноши, украдкой взглянул на собеседника. В груди мужчины шевельнулась острая, колючая жалость.

Он представил маленького, беззащитного Братца Лина, который бежал к родителю за защитой от злого слуги, а в ответ слышал лишь мягкие упрёки в собственной капризности.

— Раз отец сказал, что будет баловать меня, несмотря на характер... — Су Лин вздохнул. — Я, наверное, получил своего рода гарантию и стал ещё несноснее. Стоило чему-то пойти не по моему, как я мгновенно вспыхивал, не в силах сдержать гнев. Гнев — это очень утомительно. Каждый раз, когда я выхожу из себя, сердце в груди болит так, будто его сжимают калёными щипцами. Сначала я пытался просить по-хорошему, вежливо, но отец вечно был слишком занят и просто не замечал моих слов. Со временем я понял: только если я закачу скандал или начну капризничать, он оторвётся от своих дел и уделит мне хоть каплю времени.

Голос юноши становился всё тише:

— Ши Синсянь всегда потакал моим прихотям. Даже если в кои-то веки он пытался проявить твёрдость, мне стоило лишь немного повредничать или ласково подлизаться, как я тут же добивался своего.

Лишь повзрослев, Су Лин осознал, как нелегко приходилось родителю в одиночку заправлять городской аптекой. С тех пор он старался обуздать свой нрав, быть послушным, вежливо здороваться с деревенскими кумушками и почитать старших родственников, как и подобает доброму сыну.

Но теперь, когда маски были сброшены, он видел — вся эта «родственная любовь» была лишь притворством. Глядя на их лицемерные, жадные лица, он чувствовал лишь омерзение. Ему было невыносимо обидно за Ши Синсяня, который положил жизнь на алтарь этой неблагодарной семьи. Ради сына он так и не женился повторно; изматывал себя работой и, обладая мягким характером, до последнего терпел козни двуличной родни, пока его единственный ребёнок становился всё более неуправляемым.

И вот, не успел прах Ши Синсяня остыть, как эти «близкие люди» уже принялись делить наследство и травить сироту.

Раньше, встречая подобные заезженные сюжеты в книжных лавках, Су Лин лишь презрительно фыркал — мол, автор не нашёл ничего поинтереснее, разве бывает в мире столько гнили? Но когда эта история разыгралась на его собственных подмостках, когда на его плечи легла вся тяжесть людской низости, он познал, насколько это больно, душно и невыносимо.

Сейчас он чувствовал себя куском мяса, брошенным наземь, вокруг которого кружат, лязгая зубами, голодные волки.

Только в снах он позволял себе плакать и звать отца, спрашивая, зачем тот бросил его и как ему теперь жить. Но во сне Ши Синсянь лишь беспомощно улыбался и твердил своё:

«Не в деньгах счастье, Лин-гээр, ведь они нам родные... Твоей бабушке тоже пришлось несладко, она одна подняла столько детей, я должен помогать ей, пока могу»

После таких слов Су Лин каждый раз просыпался в ярости.

Даже у самого терпеливого человека есть предел. Если эти пиявки окончательно загонят его в угол, он просто сожжёт их всех к чертям — всё равно жизнь потеряла всякий смысл.

Внезапно хозяин дома вспомнил о бабушке, и его подавленность сменилась злым азартом. Он резко выставил ногу, преграждая путь муравью, собиравшемуся юркнуть в щель между ступенями.

— Вот увидишь, послезавтра и Пятая, и Третья, и Восьмая тётки — все будут здесь как миленькие. Моя бабушка — настоящий мастер по разведению ядовитых тварей. Стоило ей потерять младшего сына, как старший, этот тьюфак Ши Синчжу, тут же отбил от рук. Теперь ей только и остаётся, что надеяться на дочерей.

Он снова опустил голову, а затем и вовсе спрятал лицо в коленях, свернувшись в клубок, будто из него разом выкачали все силы. Юноша замер, глядя опустевшим взором на Реку Лунтань, что искрилась у подножия горы. Там, внизу, в сверкающей воде плескались дети, и до двора доносились их звонкие, беззаботные крики.

А здесь царил гнетущая тишина.

Если бы не мелькающий краем глаза край чужой коричневой одежды и не Сяо Хэй, сладко сопящий у его ног, Братец Лин мог бы подумать, что во всём мире он остался совсем один. На миг его охватило странное оцепенение: а существует ли Су И на самом деле? Был ли этот человек рядом все эти дни или он лишь плод его воспалённого воображения?

Сердце внезапно кольнуло страхом, и он резко вскинул голову.

Помощник смотрел на него, и в его обычно спокойных глазах промелькнуло какое-то движение. Что это было? Жалость? Сострадание? Или он просто хотел что-то сказать, но не находил слов?

Вместе с облегчением в душе Су Линя вспыхнуло глухое раздражение.

Он с рождения рос без матери и почти всё детство провёл в аптеке под присмотром отца. Ему достаточно было одного глиняного комочка, чтобы просидеть за лепкой весь вечер. Покупатели быстро узнали, что он сирота, и каждый считал своим долгом одарить его любопытным, изучающим взглядом. Взрослые, думая, что ребёнок ничего не понимает, прямо при нём причитали:

«Бедный мальчик, совсем кроха, а уже без матери остался»

Они сравнивали его беду со своими мелкими болячками, решали, что их жизнь не так уж плоха, и снисходительно ворковали:

«Какой же он несчастный»

Другие мамы, не в силах унять своих капризных чад, тыкали в него пальцем:

— Посмотри на него! У него и мамы-то нет, а он сидит смирно, не то что ты.

И тогда чужой ребёнок замирал, глядя на Су Линя с искренним недоумением, будто на какое-то диковинное чудовище. Поначалу юноша впадал в ярость, плакал и капризничал. Но со временем он привык к этим взглядам. Более того, он научился смотреть в ответ — пристально, в упор, пока собеседник в смущении не отводил глаза.

С какой стати они решили, что имеют право взирать на него с высоты своей мнимой жалости?

Он смотрел на них не мигая, словно пытаясь вскрыть их оболочку и заглянуть внутрь: что там за душонка прячется под этой маской сострадания, и даёт ли она им право на превосходство? С малых лет он научился отличать искреннее сочувствие от желания людей самоутвердиться за

счёт чужого горя. И его холодная решимость в конце концов даровала ему покой.

Но Су И был другим. Он всё это время молча наблюдал за всем тем хаосом, что творился вокруг, не проронив ни слова и не выказывая лишних эмоций. Он просто молча, шаг за шагом, отмывал и чинил этот старый, заброшенный дом, возвращая в него жизнь и тепло.

Зачем он это делает? Су Лин не хотел об этом думать. Он знал одно: близость, рождённая из мимолётной жалости, долго не продлится. А Братец Лин слишком гордо презирал слабость, чтобы вымалывать сострадание; он был слишком эгоистичен и вспыльчив для роли «бедного сиротки».

Он нахмурил тонкие брови, выпрямился и несколько мгновений пристально изучал профиль мужчины.

— Забудь всё, что я сейчас наговорил, — велел он резким, приказным тоном.

«Мне не нужна твоя жалость»

Его вдруг кольнуло глупое раскаяние: зачем он вообще разоткровенничался? Он никогда и никому не рассказывал о своём прошлом, предпочитая нестись по жизни напролом. Видя, что Су И смотрит на него и молчит, юноша прикрикнул ещё свирепее:

— Слышишь меня?!

В воздухе повисла тишина. Лишь спустя мгновение Брат И, будто очнувшись от своих мыслей, повернулся к нему. Он увидел, что в этих капризных глазах застыла влажная дымка, а на бледных щеках проступил румянец — смесь досады и неловкости от собственной откровенности.

Су И медленно кивнул и, протянув руку, легонько потрепал Братца Лина по голове.

— Понял, — негромко ответил он.

От этого жеста Су Лин окончательно взорвался. Лицо его вмиг стало пунцовым, он вскочил, закрывая голову руками:

— Кто позволил тебе меня трогать?!

Су И опустил руку и посмотрел на свою ладонь, будто ещё чувствуя мягкость волос. На его обычно бесстрастном лице отразилось странное замешательство и тень неловкости.

— Рука сама потянулась, — признался он совершенно искренне. — Я и сообразить не успел.

Заметив, как юноша гневно пыхтит, Мутоу, видимо, решил, что тот просто не хочет оставаться в долгу, и поспешно добавил:

— Ну... тогда можешь погладить меня в ответ.

Будь на месте этого мужчины кто-то другой, Су Лин уже разразился бы отборной бранью. Но глядя на этого немногословного и до нелепости серьёзного человека, он почувствовал, что весь его пыл куда-то улетучивается.

— Ещё чего! Стану я гладить такое бревно неотесанное.

Су Лин проворчал это себе под нос, но вдруг понял, что злость и вправду прошла. Чувствуя некоторую неловкость, он подхватил Сяо Хэя и принялся с силой тискать щенка. Бедный пёсик открыл свои влажные глаза и замер, совершенно не понимая, за что на него обрушилась такая лавина ласки.

Выговорившись и пройдя через эту нелепую перепалку, юноша почувствовал, как тяжесть, давившая на него все эти дни, немного отступила. Ему просто нужно было, чтобы кто-то выслушал его, и невозмутимый Су И подошёл на эту роль как нельзя лучше. Ему не нужны были чужие охи и вздохи.

— Сходи-ка, опусти арбуз, что принесла Юань Цзинцуй, в колодец, пусть охладится, — скомандовал он. — Вечером, когда с гор подует ветерок, будем есть холодный арбуз. Одно только предвкушение — и то радость.

<http://bllate.org/book/15320/1354535>